

Глава 7. Воспоминания.

10 июня 1995 г. Поместье Делакуров.

Спустя пять дней непрерывных занятий с Киараном с утра до обеда, и с учителями французского, к которым периодически присоединялся учитель хороших манер, дававший мне и знания по традициям магического мира, я немного вошел в график. Утром — тренировка с аврором, потом обед, а дальше, до самого ужина — полное напряжение памяти и интеллекта, оказавшееся для меня не менее сложным, чем изматывающие задания волшебника. И если по традициям волшебного мира я что-то понемногу начинал понимать, то французский язык упорно скрывал свои тайны, впрочем, учителя говорили, что даже с использованием зелий дело так быстро не сделается.

Субботним утром Жан-Клод во время завтрака предложил устроить свободный от занятий день, но сначала попросил присоединиться к нему в библиотеке поместья примерно на полчаса. Привычно уже ухаживая за сидевшими во время еды справа и слева от меня девушками, я согласился.

— Мистер Поттер, мои друзья доставили мне интересные сведения о вашем крестном отце. — Мужчина был глубоко озадачен, хотя внешне это проявлялось только в чуть большей, чем обычно, резкости движений.

— Я не думал о том, как с ним связаться, с самого моего отъезда, мистер Делакур. — Я сжался от вернувшихся воспоминаний о крёстном, которого так и не смог толком узнать, да и не узнаю теперь, ведь он, скорее всего, тоже предал меня.

— Мой агент в Министерстве магии сумел раздобыть копию допроса Сириуса Блека и протокол, по которому его решением Визенгамота отправили в Азкабан... — Мужчина скривился. — Так вот его никто не допрашивал, ни с Сывороткой правды, ни с легилименцией, ни без них. Плюс к тому, вы говорите, что Блек невиновен, а предателем был совершенно другой человек.

Мои брови поползли вверх.

— И что самое интересное, один из принимавших решение об отправке вашего крестного в Азкабан, все еще жив. Это Дамблдор. Сейчас, как удалось выяснить, Сириус Блек все еще находится в бегах, но тем не менее как-то связывается с Гринготсом, и по его распискам гоблины выдают не очень крупные суммы денег.

— И что нам это даёт? — я все еще не мог понять ход мыслей политика.

— А дает нам это очень многое... Как действующий глава Визенгамота, Дамблдор вполне мог бы инициировать процедуру апелляции, пользуясь отсутствием подтверждений того, что ваш крестный вообще кого-то убивал или предавал. Как я говорил, допрос Блека был пустой формальностью, и любой относительно беспристрастный суд легко выиграет его дело.

— Но зачем директору убирать одного из членов Ордена Феникса в Азкабан? — я не улавливал, как связаны эти факты. — И тем более, зачем он мешает восстановлению Сириуса в правах?

— Зачем — нам и предстоит выяснить, а для этого Сириус Блек нужен нам живым и здоровым на нейтральной территории Гринготса. — Делакур хищно прищурился. — А там мы сможем выяснить, верен ли он вам, или прислуживает уже однажды смахнувшему его с доски директору.

Во мне все переворачивалось от слов Делакура. Ведь тогда я увижу крестного, увижу человека, который был другом моих родителей. В голове всплыл образ крестного, его лающего смеха, его шуточных подколов, в те немногие часы, когда мы могли общаться. Пожалуй, это был единственный человек, которого я бы хотел простить, даже если он не во всем был со мной честен.

— Что для этого нужно сделать?

— Прежде всего... нам нужны ваши воспоминания. О паре эпизодов в доме ваших родственников, желательно — самых тяжелых для восприятия. И о подслушанном в кабинете директора разговоре. Через Гриннготс можно будет договориться о встрече, и гоблины передадут ему флакон с воспоминаниями, если ваш крестный поклянется магией не разглашать эти сведения в ближайшие полгода и не пытаться убить Дамблдора. В зависимости от его реакции, можно будет понять, на чьей он стороне. А заручившись его поддержкой, что вполне возможно, мы сумеем начать процесс его реабилитации, опять же — используя Международный трибунал.

— Я согласен, мистер Делакур.

— Вот и прекрасно. Тогда до вечера постарайтесь продумать, какие воспоминания нам понадобятся, а я помогу их вынести в Омут памяти.

Расставшись с Делакуром-старшим, я тут же попал в плен к двум прекрасным похитительницам, радостно сообщившим, что коль скоро у меня свободный день, — он должен быть полностью посвящен заскучавшим без общения благородным леди.

То, что одна благородная леди тихо хихикала, а другая — хранила преувеличенно грозный вид, только добавляло ситуации пикантности.

Так что спустя десять минут мы уже направлялись в тот же питомник, где уже были раньше, — благородные леди потребовали научить их общению с этими гордыми зверями: как выяснилось, в Шармбатоне волшебных существ изучают только в теории. Все мои возражения о том, что негоже леди заходить в дурно пахнущий вольер были отмечены одинаковыми движениями гордо вскинутых носиков — когда надо было, Флёр вела себя не взрослее своей младшей сестры.

Работники питомника, узнав о нашем визите, не были в восторге, но спорить с дочерьми известного политика не решились, тем более что питомник принадлежал, как выяснилось, роду Годфруа, бывшему союзниками Делакуров на политической арене.

— Габриель, Флёр, я попробую первым зайти в вольер, а когда я поглажу грифона — заходите вы. — Преувеличенно честные взгляды и кивки обеих девушек были мне ответом.

Осторожно зайдя в вольер, я поклонился стоящему в центре помещения грифону с умными черными глазами, внимательно осмотревшими нежданного визитера. Медленно-медленно мощная голова, украшенная крепким клювом, пошла вниз, когда грифон тоже поклонился. Я успокоено убрал крепко сжимаемую в рукаве палочку в наручные ножны.

Подойдя ближе, я погладил перья на шее грифона. Неожиданно голова зверя ткнулась мне в грудь, чуть не сбивая с ног, и я услышал, как оставшиеся снаружи девушки вскрикнули от неожиданности. Уже смелее, я начал гладить и чесать голову грифона, уделяя внимание области чуть ниже клюва, где, как я знал от Хагрида, находятся наиболее чувствительные точки. Довольный клекот подтвердил, что полувеликан свой предмет знал. Продолжая

почесывать мощную шею, я обернулся к дверям, приглашая притихших француженок присоединиться ко мне.

— Поклонитесь ему, они достаточно разумны. — Девушки, неуверенно улыбаясь, поклонились с любопытством смотрящему на них зверю. В этот раз его голова склонилась быстрее, видимо, девушки ему понравились больше.

Тяжело ступая мощными лапами по деревянным доскам пола, грифон подошел к чуть побледневшей Габриель и положил голову ей на плечо. Девушка сначала замерла, а потом смело начала гладить зверя, как будто разом избавившись от страха. Флёр присоединилась к сестре, и вскоре грифон блаженствовал, пока его в четыре руки чесали мои прекрасные спутницы, и только иногда осторожно переступал с ноги на ногу.

Я смотрел на них со стороны, на радостно улыбающуюся Флёр, казавшуюся сейчас моей ровесницей, на преувеличенно серьезно что-то рассказывающую грифону Габриель, и на душе стало удивительно светло.

Наконец утомившиеся девушки отпустили из своих цепких ручек разомлевшего от избытка ощущений зверя, проводившего нас довольным клекотом. Почистив слегка испачканную одежду магией, причем на этот раз Флёр и Габриель с огромным удовольствием обучили меня этому простейшему заклинанию, мы снова сели в служебный автомобиль Делакура-старшего, любезно предоставленный им на весь день в наше распоряжение. Усовершенствованная магией машина была удобной, надежной и быстрой, а шофер Министерства — молчаливым.

По просьбе Флёр водитель доставил нас в ближайший городок, где мы оккупировали столик уличного кафе, а я мысленно вознес хвалу своей предусмотрительности, заставившей захватить с собой свой оставшийся еще с Лондона кошелек, чтобы не оказаться в неловкой ситуации, когда девушки заплатили бы за меня.

— Не жалеешь, Гарри? — Флёр посмотрела на меня, дождавшись, пока я прожую очередной кусочек оказавшейся невероятно вкусной тушеной говядины.

— О том, что решил убраться из Англии? — я слегка потупился. — Мне до сих пор немного неудобно перед тобой и твоим отцом, который взялся вытащить меня из дыры, где я оказался. Но он сумел объяснить, что каждый из нас получит в случае успеха, так что...

Флёр медленно пила принесенный пораженным её красотой официантом клубничный сок, внимательно рассматривая моё лицо. Поняв, что ответ её пока не удовлетворяет, я продолжил.

— Здесь свободнее, я чувствую, что тут никто не обратит внимания на мой чертов шрам, сделавший меня мишенью для зевак в Англии. Тут мне честно говорят, что от меня ждут, и что могут дать взамен. По сравнению с той бездной лжи и предательства, в которой я жил с момента смерти родителей, — я попал в земной рай.

— К тому же, — уже немного освоившись в обществе Делакуров, я не удержался от улыбки. — Где еще я смогу общаться с двумя самыми очаровательными девушками и не делиться их обществом с бывшими друзьями.

Флёр и Габриель в унисон расхохотались, причем у девочки от смеха потекли слезы из глаз.

— Да, я помню, как на меня смотрел твой рыжий приятель, — девушка тоже смаргивала слезы с длинных ресниц. — Мне всегда казалось, что на моём месте он видит огромный кусок торта, который надо съесть.

При упоминании Рона в горле засвербело. Флёр увидела, что я резко перестал улыбаться, и осторожно накрыла мою руку своей тонкой кистью.

— Боль от их предательства нескоро развеется, но рано или поздно ты сможешь спокойно посмотреть им в глаза. — Глаза девушки чуть поблескивали, как будто слезы смеха могли перейти в слезы горя. — Каждый испытывал в своей жизни предательство. — Рука на моем запястье сжалась крепче, и я шестым чувством понял, что Флёр на собственном опыте знает, о чем говорит.

После целого дня блуждания по всему городку, где девушки не обошли своим вниманием ни одного магазинчика, мы, вместе с кучей уменьшенных магией пакетов, направились к машине. По дороге домой уставшая девочка задремала, уткнувшись белокурой головкой в мое плечо, а Флёр с практически материнской улыбкой наблюдала за этой идиллической картинкой.

Ждущий меня в гостиной Жан-Клод, посмотрев на засыпающую на ходу Габриель, жестом велел домовым эльфам проводить девочку в спальню, не дожидаясь ужина. Флёр, твердо выдержавшая предупреждающий взгляд отца, все же отправилась вместе с нами в малую библиотеку, где на покрытом шелковой тканью столике покоилась грубая чаша Омута памяти, редкого артефакта, позволяющего сохранять и передавать воспоминания и мысли.

Мы с Жан-Клодом сели в кресла возле стола, а Флёр, невзирая на подаваемые отцом знаки, устроилась сбоку от нас, прислонившись спиной к книжному стеллажу.

— Мистер Поттер, как бы это ни было неприятно, я прошу вас вспомнить самое тяжелое событие вашего детства, связанное с опекунами. — В панике оглянувшись на Флёр, которая не собиралась уходить, я наткнулся на обещающий поддержку теплый взгляд девушки.

Сосредоточившись, я начал вспоминать событие за событием, которыми, благодаря длиннородному безумцу, моё детство было наполнено в избытке. Я бы охотно разделил некоторые эпизоды с тем же Малфоем, выращенным в неге и заботе родового замка, и посмотрел, как бы этот лощеный ублюдок демонстрировал силу духа чистокровного волшебника в такой ситуации.

Наконец первое воспоминание было найдено.

«— Неблагодарный мальчишка! — рука покрасневшегося от ярости толстяка бьет меня по лицу, отбрасывая на стену. — Мы выьем из тебя эту греховную дурь, если ты еще раз попробуешь заново отрастить свои паршивые волосы, то проведешь три дня без еды в чулане!

— Хорошо, дядя, — отчаянно стараюсь не заплакать. Если заплачу — дядя избьет меня до полусмерти.

— Ты должен быть благодарен нам, что мы после смерти твоих родителей, этого алкоголика и шлюхи, приютили тебя, тратим свои деньги на то, чтобы прокормить и воспитать тебя, а ты! — толстяк просто раздувается от злости.

— Сиди в чулане, пока тебя не позовут. И завтра пойдешь в школу, и чтобы никаких жалоб от Дадлика на твоё поведение. — Жирный поросенок, лишь немного уступающий размерами папаше, с удовольствием наблюдает за экзекуцией, корча рожи и скалясь, предвкушая, как завтра нажалуется родителям на мои воображаемые проступки».

Я вырвался из воспоминаний, весь охваченный дрожью и покрытый потом. Магия Делакура-старшего, вырвавшего тонкий пучок призрачной эссенции памяти из моей головы, заставляла

переживать давние события слишком реалистично.

Подождав некоторое время и убедившись, что я относительно пришел в себя, Жан-Клод помахав палочкой над Омутот памяти, снова попросил меня подыскать подходящее воспоминание, достаточно шокирующее возможного зрителя. Невзирая на то, что больше всего на свете мне сейчас хотелось что-то разбить или запытать избивавшего меня в течение десяти лет дядю до полусмерти, я понимал, что это нужно сделать.

Следующая мысль пошла гораздо тяжелее.

«Тетушка Мардж с самого утра ходила за мной по пятам, пока я старался выполнить все заданные на сегодня тетей Петуньей дела. Но что бы я ни делал — готовил завтрак для спящих Дадли и Вернона, подметал дорожки в вылизанном до блеска еще вчера саду, мыл посуду после пиршества двух проснувшихся бегемотов — везде за мной ходила полная тушка тетушки в красном пиджаке, язвительно комментируя каждый мой просчет. Её бурчание о том, что я неблагодарный щенок из дурного помета, щенок дурной суки, подлая тварь очень действовало мне на нервы. От обиды за ее несправедливые злые слова наворачивались слезы, но я старательно давил их внутри. Стоит тетушке почувствовать слабость — как она с радостью будет бросаться все новыми и новыми обвинениями.

Гнусная жирная собака Мардж — бульдог с мордой, очень похожей на хозяйку — злорадно наложила кучу дерьма прямо посреди только что подметенной дорожки, а тетушка довольно захихикала.

— Фу, чем-то тут воняет... Впрочем тут и до этого воняло точно так же!

Боль внутри от постоянных оскорблений сводила с ума. Но я знал, что если я сорвусь и хоть что-то отвечу сестре Вернона — то самое меньшее останусь без еды на пару дней, а то и буду выпорот дядюшкой.

— Впрочем, что еще можно ждать от ребенка шлюхи и алкоголика, — все не унималась тетушка Мардж, семеня следом за мной и заставляя до крови закусывать губы, чтобы не расплакаться».

Жан-Клод, в сомнении посмотрев на мое лицо, достал откуда-то с полки бутылку, наполнив густой, практически коричневой жидкостью рюмку.

— Выпейте, мистер Поттер. Маглы делают на удивление хорошие напитки...

Крепкая обжигающая жидкость ушла в желудок, и там тут же разлилось приятное тепло. Флёр, сжав кулачки, смотрела на мое покрытое потом лицо — выросшая в семье волшебников, она знала о том, что воспоминания добываются только с полным переживанием прошедшего события, и могла только гадать, чем можно было довести меня до подобного состояния.

— А теперь, мистер Поттер, простите, но мне нужно будет воспоминание о разговоре в кабинете директора. — Делакур сочувственно положил руку мне на плечо. — Без этого воспоминания Блек может вам попросту не поверить.

Я закусил губу, соглашаясь с политиком. Ставшие огромными глаза, смотревшей на меня не отрываясь Флёр — последнее, что я запомнил, прежде чем опять провалиться в прошлое.

«— Во-первых, вы не должны писать ему всё лето. Пусть он сидит в одиночестве у Дурслей, чем хуже ему там будет, тем более несчастным он станет, и когда в августе Молли пригласит

нашего Избранного в Нору... Он будет гораздо более... сговорчивым...

— Мама благодарна вам за рецепт зелья Привязанности, директор. — Усмехается Рон. — Она сварила целый котёл в ожидании, когда Поттер приползёт в наш дом.

— Чувства мальчика к юной Джиневре лучше будет пробудить, когда зелье Привязанности подействует, и он снова станет доверять вам обоим безоговорочно... Вашим старшим братьям пришлось ловить его по всему лесу, чтобы остановить беглеца. В очередной раз стирать ему память лучше не стоит.

— Вот ваши деньги на лето, мои верные помощники, — приторно-сладкий голос Дамблдора».

Когда я снова осознал, на каком свете я нахожусь, политик уже ушел, прихватив с собой Омут памяти. В кресле, где сидел Делакур, теперь устроилась Флёр. Подняв руку, я ощутил влагу на своих щеках — слишком больно дались мне воспоминания о предательстве лучших друзей, гораздо больнее, чем издевательства родственников.

— Это хуже, чем Круциатус Темного лорда, — мой охрипший голос разорвал тишину. — Я уже забыл, насколько это было тяжело.

Флёр стремительно поднялась с кресла и крепко обняла меня, просто делаясь своим теплом.

— Ты сильный, ты справишься, Гарри. — По щекам девушки тоже побежали слезы.

Некоторое время мы просто молчали, руки Флёр обнимали меня за плечи, как будто девушка боялась за меня. Наконец, немного успокоившись, я осознал одну маленькую, смутившую меня деталь — изящная грудь девушки плотно прижималась к моему плечу, и сквозь тонкую ткань я чувствовал, какая она горячая и нежная. Мои уши предательски покраснели, а в голове пронеслись смутные, малопонятные мысли и желания. Тоже почувствовавшая неладное девушка отстранилась, чуть покраснев, а потом, смущенно улыбнувшись, убежала из библиотеки.

11 июня 1995 года. Поместье Делакуров.

Утром Киаран затащил меня в подземный зал менора, который был на сей раз ярко освещен горевшими на стенах светильниками.

— Ну что ж, самое первое, чему я хотел тебя научить, — дозирование силы, — мы освоили. — Аврор казался довольным, как кот. — Теперь мы с тобой перейдем к отработке скорости реакции и выносливости.

Отойдя в угол комнаты, аврор принес четыре широких толстых браслета, сшитых из мягкой ткани и чем-то набитых.

— Закрепи их у себя на запястьях и лодыжках, это магловские утяжелители. — Киаран по одному бросил мне браслеты. В принципе, вес был вполне терпимым.

Учитель, заметив мою уверенную улыбку, заметил:

— Это сейчас вес кажется совсем небольшим, а вот после часа тренировки... Впрочем, сам увидишь.

Отойдя подальше, он продолжил:

— Сейчас твоя задача — уклоняться, магию не применять, так что палочку оставь в рукаве. Сначала — уклоняешься как угодно. Чтобы у тебя был лишний стимул увернуться — я буду бросать в тебя заклинание роста зубов, так что... сам понимаешь. — Ехидная улыбка учителя заставила меня поежиться, вспомнив, как выглядела Гермиона после попадания этого зловредного проклятья.

В следующую секунду только навыки, выработанные на тренировках по квиддичу, позволили мне увернуться от луча заклинания — становиться бобром с длинными передними зубами не хотелось.

Постепенно аврор наращивал темп стрельбы — заклинания вырывались из его палочки все чаще и чаще, вынуждая меня пригибаться, прыгать, делать кувырки по полу, но, несмотря на все мои старания, Киаран понемногу загонял меня в угол, пресекая все попытки вырваться на середину зала. Наконец, спустя десять минут, показавшихся мне вечностью, аврор оттеснил меня в самую узкую часть зала, демонстративно всадив последнее заклинание в стену рядом с моей головой.

— Ну что ж, пока выносливость — «слабо», — взглянув на мое покрытое потом лицо и оценив рваный темп дыхания, учитель остался недовольным. — В идеале ты должен не меньше получаса выдерживать это упражнение, не сбивая дыхание. Но, надо отдать должное, я в тебя так и не попал, так что в сумме — «удовлетворительно».

Дав мне немного отдышаться и снова отойти к центру зала, аврор скомандовал:

— Повторим, задание то же самое.

Спустя полчаса легкие поначалу браслеты уже серьезно оттягивали напряженные конечности, волосы взмокли от пота, дыхание с хрипом вырывалось из груди. Аврор же, небрежно помахивая палочкой, отправлял в меня новые и новые заклинания. Единственное, что меня радовало — луч Densageовсе же летел существенно медленнее, чем многие другие заклинания, так что, при всем садизме задумки Киарана, невыполнимым задание все же не было.

Дав мне короткую передышку, аврор решил объяснить свою идею.

— Представь себе ситуацию, когда ты дерешься на дуэли. Как ты уже понял, иногда проще увернуться от заклинания, чем пытаться отбить его щитом — не факт, что щит тебя уберезет от неизвестного луча, а от той же Авады — тем более.

Дождавшись согласного кивка, Киаран продолжил рассказ.

— А теперь представь, что, одолев одного противника, ты сразу же сталкиваешься с другим — во время аврорских рейдов это случается постоянно. Или твоих противников двое-трое, и все лучи отбить ты никак не сможешь — останется только маневрировать и уклоняться. Чем дольше ты сможешь выдерживать быстрый темп движения, не сбивая дыхания — тем дольше сможешь бросать вербальные заклинания и тем дольше сумеешь уходить от незнакомых тебе лучей. Про мысленное произнесение мы поговорим где-нибудь через полгода, когда освоим основной запас аврорских заклинаний, не относящихся к темной магии. Так что дыханием и выносливостью мы будем заниматься довольно долго — кстати, плавание тоже есть в нашей программе. — Довольный Киаран как будто лучился ехидством. — Кстати, плавать ты будешь вместе с дочерьми Жан-Клода.

Мое лицо явственно покраснело, а учитель только усмехнулся.

— Но имей в виду, — поднял палец волшебник. — Далеко не все заклятья представляют из себя лучи. Есть и те, от которых увернуться у тебя не получится при всем желании.

Аврор резко развернулся, и с его палочки сорвалось пепельно-серое облако, от которого веяло могильным холодом.

— Это заклинание из арсенала высшей некромантии, — Киаран убрал палочку в ножны. — Против него помогают только защитные чары. Так что в дальнейшем, по мере твоего прогресса, мы будем отрабатывать и защиту от ударов по площадям.

Как я уже убедился, боевой маг впустую словами не бросался, и на следующее утро мы действительно отправились купаться в примыкающем к территории поместья озере, скрытом от маглов чарами дублирования пространства.

Сдав меня с рук на руки хихикавшим Флёр и Габриель, Киаран с тоской посмотрел на таинственно мерцающие воды озера и отправился по своим делам, одарив меня на прощание хитрой улыбкой.

Благородные леди, которым предлагалось научить плавать без всяких жаброслей необразованного меня, деликатно удалились, скрывшись за раскидистыми ветками в изобилии растущего вокруг озера кустарника, покрытого мелкими белыми цветами с пряным ароматом. Спустя несколько минут, за которые я успел покрыться холодным потом, скидывая штаны и рубашку и плеснуть прохладной воды в запылавшее жаром лицо, девушки вышли из-за естественного укрытия, одетые только в довольно открытые магловские купальники. И если на Габриель, в силу её детского возраста, я мог спокойно смотреть, как на ребенка, то Флёр просто поразила мое воображение без всяких вейловских чар.

Магловский купальник, не скрывавший точеной фигурки девушки, оставлял очень мало простора подростковому воображению, и я старательно уставился куда-то в сторону, отчаянно пытаюсь сделать это естественно. Довольно улыбнувшаяся Флёр, сразу, как я со все возрастающим смущением понял, определила причину моего слегка скосившегося взгляда и весело мне подмигнула.

Габриель, которой вообще пока не было дело до подобных переживаний, с громким визгом забежала в воду, вся окутанная брызгами сверкавшей в солнечном свете воды. Забежав по пояс в воду, девочка размахнулась и отправила в нашу сторону целую пригоршню воды, вынуждая нас тоже броситься в воду и попытаться выловить из воды это хохочущее чудо.

Наконец после долгой борьбы, в ходе которой мы взбаламутили воду вдоль всего берега и окончательно запыхались, счастливо смеющаяся французенка была поймана старшей сестрой, и слегка притоплена, после чего мы на время выползли из воды, растянувшись на предусмотрительно захваченных с собой покрывалах. Девушки коварно заняли два крайних покрывала, так что мне ничего не оставалось, кроме как лечь посередине.

В ходе нашей водной баталии терзавшее меня... определенное затруднение, вызванное видом почти обнаженной девушки, несколько... сгладилось, так что я с облегчением развалился на мохнатой ткани, вдыхая аромат диких цветов и свежей воды. Без слов договорившись немного отдохнуть, а потом все же поплавать, мы погрузились в блаженную негу, согретые солнечными лучами.

Габриель, которой быстрее нас надоело безделье, быстро нашла себе новое занятие. Прикосновение руки девочки к перечеркнутому шрамом запястью вырвало меня из расслабленного состояния.

— Что это? — Габриель с любопытством посмотрела на меня.

Флёр, услышавшая вопрос, тоже приподнялась на покрывале, от чего её грудь мягко колыхнулась, приковав на секунду мой взгляд. Волевым усилием отвернувшись от этой соблазнительной картины, я постарался сосредоточиться на заданном мне вопросе.

— Это был василиск. — Говорю я, и чувствую, как вокруг разливается удивление, смешанное с ужасом. — Это был василиск из Тайной Комнаты Салазара Слизера. Василиск, которому исполнилась тысяча лет.

И тут меня словно прорвало. Глядя в широко распахнутые глаза француженок, я вздохнул, давясь словами, начал рассказывать о том ужасе, который происходил на втором курсе, о бездействовавшем, прикрывавшемся умными словами директоре, о первой надписи возле туалета Миртл. С каждым моим словом изнутри будто выходил застарелый гной, освобождая меня от давно забытого и похороненного внутри напряжения. Я говорил о том, как в лазарет, где я лежал, принесли окаменевшего Колина, как превратилась в камень Гермиона, даже в таком состоянии сумев подать нам сигнал об опасности. О том, как следом за Уизли-младшей спустился в Тайную Комнату, где меня ждал Вольдеморт, подчинивший себе тело девочки, и громадный питомец великого Салазара. Рассказал о жуткой боли, пронзившей все тело, когда клыки василиска вошли в мою руку, наполняя кровь смертельным ядом, о плачущем фениксе и мече Годрика Гриффиндора, выпавшем из старой шляпы. Рассказал и о том, что на выходе из тайной комнаты меня не встречал ударный отряд авроров министерства — все напуганные одним лишь призраком Темного лорда взрослые собрались в кабинете директора, планируя закрыть Хогвартс и эвакуировать учеников.

Наконец, обессиленный эмоциями, наконец-то нашедшими выход, я замолчал. Флёр осторожно погладила кончиками пальцев шрам от клыков василиска, покачивая головой.

— Знаешь, это глупо звучит, но я рада, что не учусь в Хогвартсе. — Полувейла говорила без усмешки. — Если у вас такие происшествия в порядке вещей...

— У нас каждый год происходит нечто новое... На первом курсе одержимый духом Вольдеморта профессор пытался украсть из замка философский камень из-под носа Дамблдора. На втором — проклятый василиск, чуть не убивший меня, да еще и призрак Темного лорда, управлявший им. На третьем — дементоры Азкабана вокруг школы и рыщущий вокруг школы разыскиваемый Авроратом сбежавший якобы преступник Сириус Блек. На четвертом... В школу проник Пожиратель смерти, ранее сбежавший из Азкабана, под видом профессора Защиты... И директор снова ничего не заметил... и на четвертом курсе убили Седрика. — Я сгорбился, пытаюсь собраться с силами. — И Темный лорд наконец возродился.

Тонкая рука Флёр прикоснулась к моему плечу, бездонные глаза приблизились близко-близко.

— Это в прошлом, Гарри. Твоей вины в этом нет. — Голос полувейлы приобрел какую-то странную хрипотцу, от которой меня в очередной раз бросило в дрожь.

Не знаю, к чему могли привести такие взгляд и голос девушки, но успевшая снова заскучать девочка опять облила нас водой, и до самого обеда серьезные разговоры больше не велись.